

ДЖИГАРХАНИЯ СМЕНИЛ АДРЕС

Армен Джигарханян:
"И тогда я сказал: наливайте!"

АЛЕКСАНДР АСТАШОВ

На театральной карте Москвы произошли серьезные изменения. Театр Армена Джигарханяна, базировавшийся в крохотном зале на Кооперативной улице, переехал в роскошное здание на Ломоносовский проспект. Бывший кинотеатр "Прогресс" теперь известен как "Театр Д.". Руководит им замечательный артист с репутацией колобка, который ото всех ушел — Армен Джигарханян.

— Официально наш театр признан с 1996 году — тогда появилось постановление правительства Москвы. Сначала это был красный уголок на Кооперативной улице, в который мой друг на всю жизнь Артур Согомонян вложил определенные деньги и из ничего сделал конфетку. Конфетка получилась средней упитанности — крохотная сцена, зал на 96 мест, микроскопическое фойе. Наверное, Комеди Франсез лучше, а клуб в каком-нибудь парке культуры — хуже. А потом возникла идея подыскать другое здание. Мы пересмотрели около 80 помещений — подвалы-шмадвалы. Все было занято, продано. Думали про кинотеатр "Литва", администрация которого уверяла, что борется за чистоту кинематографа, а на самом деле торгует автомобилями. Но потом нам предложили кинотеатр "Прогресс". Я вошел туда и обалдел от радости — большой, в центре, троллейбусы-трамваи ходят... Я сказал: "Наливайте!", — и началось. За два года мы построили прекрасный театр. Повезло с директором — Геннадий Попов буквально сотворил чудо.

Теперь у нас громадный зал — 500 мест, громадная сцена, колосники, занавес, большое фойе на первом этаже, гримерки. Придумали еще одну историю, благодаря ей еще получим дополнительное место для гримерок.

— Армен Борисович, в новое здание переехала старая труппа вашего театра?

— От старого состава осталось два человека. Сейчас набрали до 30 актеров. Мое мнение, что русский театр — это крепостной театр. И я говорю это с двумя плюсами. Крепостной — значит, есть хозяин, и все остальные полностью ему подчиняются.

— Карабас-Барабас?

— Абсолютно нет. Георгий Товстоногов, Андрей Гончаров были в лучшем смысле крепостниками. И это слава богу, когда есть большой, мощный авторитет, который диктует жизнь.

— Где и каким образом набирал актеров хозяин с такими требованиями и взглядами?

— Везде — конкурс, кто-то сам приходит, кто-то кого-то приводит. Меня абсолютно не интересуют ни диплом, ни профессиональная родословная человека. Потому что на втором спектакле уже ясно, что он умеет, а чего не умеет.

— Все-таки хотелось бы понять, по каким критериям вы отбираете артистов?

— Я предлагаю из репетируемых пьес кандидату выбрать любой кусок, приготовить его и сыграть с нашими актерами на репетиции: Срок — две недели, а может быть, три дня. Вот одна девушка мне сказала: "Могу через пять минут". Я сказал: "До свидания". Через пять минут даже Михаил Чехов не смог бы.

Труппа еще не сформирована, но я счастлив тем, что уже образовался кулак, костяк театра: Станислав Дужников, Ольга Кузина, Петр Ступин, Алексей Шевченко, Александр Мерзлякин, Александр Бухаров, Елена Ксенофонтова, Оксана Голубева, Анна Башенкова, Владимир Капустин, Татьяна Поля... Скажу тебе две важные вещи. Первая: пока я жив, буду думать только об актерском театре. Никаких "трехэтажных" режиссерских сооружений не допущу.

— Не боитесь нажить врагов в режиссерском цехе?

— Мой театр должен быть только для актеров.

Режиссер не является для меня главным. Марк Захаров может быть мировым лидером. Но я сам по себе. Я сыграю только тогда, когда внутри меня что-то разволнуется. "Жизнь человеческого духа", как говорил Станиславский, — вот что должно быть на сцене. И еще — режиссер должен умереть в актере.

И второе: я буду любить зрителя. Не олигархов, не богатых, не теоретиков, а зрителей. Вот вчера мне мой директор сказал: "К нам впервые пришли те, кто покупает билеты". Вот этого я хочу.

— Боюсь, Армен Борисович что после тако-

го заявления к вам не всякий режиссер пойдет.

— Повторяю: ставить он будет только для артиста, а не выдумывать "ядрену вошь". Жизнь человеческого духа — таково мое условие. Когда я вижу артистов, которые пристраиваются к режиссерским закидонам, меня это удручает — я вижу одинаковых людей. А это скучно.

— Что вы можете сказать по поводу настоящего и будущего репертуара?

— Сейчас в репертуаре театра семь спектаклей: "Ревизор", "Женитьба Фигаро", "Сердце не камень", "Закрой глазки, расскажу тебе сказки", "Театр-убийца", детский спектакль. На открытие нового здания сыграли премьеру "Она в отсутствие любви и смерти". С 1 декабря к репетициям пьесы "Фугас" Тарашовского приступает Петр Ступин, а пьесу Ольги "Крошка Алиса" будет делать Владимир Ячменев.

— Выйдет ли на новую сцену артист Армен Джигарханян?

— Пока я играю только один спектакль — "Возвращение домой" Пинтера. Больше нет и не буду — это принципиально. У меня нет амбиций. Я наигрался, насмотрелся. Главная моя мечта сейчас — поставить "Три сестры". Мне кажется, я разгадал Чехова.

— Так говорит каждый, подступающийся к его пьесам.

— Во ВГИКе я четыре года ставил со своим курсом эту пьесу. Я наизусть ее знаю. Но только сейчас обнаружил вещи, которые мне кажутся самыми важными. Я рискнул поговорить с ним на "ты". Я его чувствую. Вот смотрю на фотографию, где человек 44 лет выглядит как на 85. Он что-то знал. И мне кажется, что я это понимаю. Может быть, я свалюсь и пойму, что ничего не понял, но пока есть ощущение — я вижу его мир.

— Вы — самый развездной артист: снимаетесь, играете в антрепризах, играете концерты. Вы не думаете, что вам, хозяину большого театра, придется поджаться, отказаться от работы на стороне?

— Нет. Объясню просто: если я налажу работу, мне ничего не страшно. Вот сейчас я запускаю три спектакля, и они будут работать. У меня есть директор, есть команда. А что это — ходить каждый день в театр и ныть: "Мы делаем вид, что мы работаем". Я убежден, что такой режиссер, как Марк Захаров, не должен каждый день ходить в театр.

— Вы так часто вспоминаете Марка Анатольевича. Значит ли это, что вы уходите из "Ленкома"?

— Никогда в жизни. Пока Марк нуждается во мне, я буду рядом с ним.

— Но в кино-то вы снимаетесь?

— Скажу тебе, что происходит вне моего театра. Пока что я испытываю ностальгию по отсутствию настоящего кинематографа. Сейчас я встречаю непрофессионалов, которые не умеют и не знают, что делают. Я спрашиваю их: "Откуда я выхожу — справа или слева?" — "Да откуда хотите?", — отвечают мне. А ведь это разные вещи. Поэтому по сегодняшнему кинематографу нет никакой тоски.

Марина РАЙКИНА.